

АЛЕКСАНДР СУМАРОКОВ

(1717–1777)

Ода парафрастическая псалма 143 (Отрывок)

Благословен творец вселенны,
Которым днесь я ополчѣн!
Се руки ныне вознесѣнны,
И дух к победе устремлѣн:
Вся мысль к тебе надежду правит;
Твоя рука меня прославит.

Защитник слабыя сей груди
Невидимой своей рукой!
Тобой почтут мои мя люди,
Подверженны под скипетр мой.
Правитель бесконечна века!
Кого ты помнишь! человека.

Его весь век как тень преходит:
Все дни его есть суета.
Как ветер пыль в ничто преводит,
Так гибнет наша красота.
Кого ты, творче, вспоминаешь!
Какой ты прах днесь прославляешь!
1744

Семира Трагедия (Отрывок)

ДЕЙСТВИЕ 1

Явление 1

Семира и Избрана.

С е м и р а
Что к горести меня любовь воспламеняла,
Я часто то тебе, Избрана, предвещала.
Сбылось ли то теперь? Рок муки те принѣс.
Где помощи искать?! Правители небес,
В тоске и жалости мой дух изнемогает,
И сердце томное крушится и страдает!
С предальной высоты воззрите к сей стране
И, унывающей, подайте крепость мне!
Избрана, я хочу любовника оставить
И, одолев себя, навек себя прославить.
И з б р а н а
Но будешь ли иметь толико много сил?
С е м и р а

Хотя возлюбленный мне больше жизни мил,
Но помню то, что им отец мой свержен с трона
И наша отдана им Игорю корона.
Когда Оскольд, мой брат, надежды не имел
Вселенной показать своих геройских дел,
Я сердца своего тогда не побеждала,
А ныне часть моя совсем переменна стала.
Олег невольников от уз освободил
И щедро из темниц невольных выпустил,
Чтоб нашим подданным, отдав им их свободу,
Явить себя отцом плененному народу
И, покорив сердца, искати новых стран.
Но брату моему на то ль дух гордый дан,
Чтоб он был раб и чтоб он пребыл во неволе
И видел Игоря на Киевском престоле?
На то ли Кий сей град стенами окружил,
Чтоб сродник в нем его рабом Олегу был?
1751

Гимн Венере

Сафическим стопосложением

Не противлюсь сильной, богиня, власти;
Отвращай лишь только любви напасти.
Взор прельстив, мой разум ты весь пленила,
Сердце склонила.
Хоть страшимся к жизни прейти мятежной,
Произвольно жертвуем страсти нежной.
Ты пространной всею вселенной правишь,
Праздности славишь.
Кои подают от тебя успехи,
Можно ли изъяснить сии утечи:
Всяк об оных, ясно хоть ощущает,
Тёмно вещает.
Из сего мне века не сделай слезна;
Паче мне драгая всего любезна:
Я для той, единой лишь кем пылаю,
Жизни желаю.
Дух мой с нею, радуясь, обитает,
Кровь моя возлюбленным взором тает,
Я живу подвластен в такой неволе
Счастливым боле.
Всё тогда, как с ней, веселясь, бываю,
Удаленный шума, позабываю,
В восхищеньи чувствую жизни сладость,
Крайнюю радость.
Кем горю, я мышлю о ней единой,
И доволен ныне своей судьбиной;
Сердце полно жаром к кому имею,
Тою владею.
<1755>

Сонет

Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил,
Как рос, в младенчестве, влекомый к добру нраву,
Со плачем прменял младенческу забаву.
Растя, быв отроком, наукой мучим был.

Взрос, познал себя, влюблялся и любил
И часто я вкушал любовную отраву.
Я в мужестве хотел имети честь и славу,
Но тщанием тогда я их не получил.

При старости пришли честь, слава и богатство,
Но скорбь мне сделала в довольствии препятство.
Теперь приходит смерть и дух мой гонит вон.

Но как ни горестен был век мой, а стонаю,
Что скончается сей долгий страшный сон.
Родился, жил в слезах, в слезах и умираю.
<1755>

На суету человека

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Всё, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Всё только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!»
<1759>

Час смерти

О мысли люты!
Кончается моем
На свете бытием,
Преходит житием,
Пришли последние минуты,
Пришел ко мне тот час,
Который преселяет нас
Во мрачну бесконечность.
Отверста моему смятенну духу вечность:
Погаснут данные мне искры божества,
Потухнут мысли все и чувство вещества,
В ничто преобращусь навек из существа;
Престрашную судьбою
Расстанусь навсегда
Со светом и с собою,
Засну, и не проснуся никогда.
На то ль я, боже мой, произведен тобою,
Чтоб сей вкусил я страх
И претворился в прах?
Щедролюбивая и всемогуща сила
Нельзя, чтоб действие лютейшее сносила —
Восстану я опять.
Но, ах, возможно ли исчезнуть и восстать?
Когда есть бог, возможно,
А бог, конечно, есть, мы знаем то неложно.
<1759>

Эпиграмма

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.
<1759>

* * *

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь.
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тщусь.
Сердце тяжким стоном, очи током слезным
Извлекают тайну муки сей;
Ты мое старанье сделал бесполезным,
Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю,
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременил в неволю,
Ты утечи в горесть обратил;
И, к лютейшей муке, ты, того не зная,

Может быть, вздыхаешь о иной,
Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
Страждешь ею так, как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся
И боюсь, чтоб взор не изменил;
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил.
Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыд.
В сей жестокой брани мой рассудок тьмится,
Сердце рвется, страждет и горит.

Так из муки в муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь;
Знаю, что всеместно пленна мысль тобою
Вображает мне твой милый зрак;
Знаю, что, вспаленной страстию презлою,
Мне забыть тебя нельзя никак.
<1759>

Ворона и Лиса

И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кус когда-то унесла
И нам дуб села.
Села,
Да только лишь еще ни крошечки не ела.
Увидела Лиса во рту у ней кусок,
И думает она: «Я дам Вороне сок!
Хотя туда не вспряну,
Кусочек этот я достану,
Дуб сколько ни высок».
«Здорово, — говорит Лисица, —
Дружок, Воронушка, названная сестрица!
Прекрасная ты птица!
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша!
И попугай ничто перед тобой, душа,
Прекраснее стократ твои павлиньих перья!»
(Нелестны похвалы приятно нам терпеть).
«О, если бы еще умела ты и петь,
Так не было б тебе подобной птицы в мире!»
Ворона горлышко разинула пошире,
Чтоб быти соловьём,
«А сыру, — думает, — и после я поем.
В сию минуту мне здесь дело не о пире!»
Разинула уста
И дождалась поста.

Чуть видит лишь конец Лисицына хвоста.
Хотела петь, не пела,
Хотела есть, не ела.
Причина та тому, что сыру больше нет.
Сыр выпал из роту, — Лисице на обед.
<?>

* * *

Лжи на свете нет меры,
То ж лукавство да то ж.
Где ни ступишь, тут ложь;
Скроюсь вечно в пещеры,
В мир не помня дверей:
Люди злые зверей.

Я сокроюсь от мира,
В мире дружба — лишь лесть
И притворная честь;
И под видом зефира
Скрыта злоба и яд,
В райском образе ад.

В нем крючок богатится,
Правду в рынок нося
И законы кося;
Льстец у бар там лестится,
Припадая к ногам,
Их подобя богам.

Там Кашей горько плачет:
«Кожу, кожу дерут!»
Долг с Кашей берут;
Он мешки в стену прячет,
А лишась тех вещей,
Стонет, стонет Кашей.
<?>

* * *

Трепещет и рвется,
Страдает и стонет.
Он верного друга,
На брег сей попадша,
Желает объяти,
Желает избавить,
Желает умереть!
Лицо его бледно,
Глаза утомлённы;
Бессильствуя молвить,
Вздыхает лишь он!
<?>

* * *

Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой, —
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего невесела?»
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье, ах, несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
Мне в совете с ним вовеки не живать.
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.
<1770>

Двадцать две рифмы

Потемкин! Не гнусна хорóша рифма взгляду
И слуху не гадка,
Хотя слагателю приносит и досаду,
Коль муза не гладка,
И геликонскому противна вертограду,
Когда свиньей визжит.
И трудно рифмовать писцу, в науке младу,
Коль рифма прочь бежит.
Увидеть можно рифм великую громаду,
Но должно ль их тянуть?
А глупые писцы их ищут, будто кладу,
В кривой ташат их путь.
Что к ним ни прибредет, поставят рифмой сряду,
Так рифма негодна!
А я на рифму век некстати не наяду,
Хоть рифма не бедна.
К заросшему она вралей приводит саду,
Где только лес густой,
И ко ощипанну под осень винограду,
Где хворост лишь пустой.
Набрався таковы в избах пииты чаду,
Вертяся кубарем
И ставят хижину свою подобно граду,
Вздуваясь пузырем.
Я век ни разума, ни мысли не украду,

Имея чистый ум.
Не брошу рифмою во стихотворство яду
И не испорчу дум.
Не дам, не положу я рифмой порчи складу,
Стихов не поврежу;
Оставлю портить я стихи от рифмы гаду,
Кто гады — не скажу.
Им служит только то за враки во награду,
Что много дураков,
Которые ни в чем не знали сроду ладу,
И вкус у них таков.
Несмысленны чтецы дают писцам отраду,
Толпами хвалят их,
Хотя стихи пищат и спереду и сзади,
И Аполлон им лих.
Однако скверному такому муз он чаду
Обиды не творит.
Так он не свернется, хотя и врет, ко аду,
И в аде не сгорит.
<1774>